

Случай с поваром Никитой Головым произошёл в ту пору, когда фашисты отступали по всему фронту. Уж отгремела знаменитая Сталинградская битва. И знаменитая Курская битва — тоже. Захватчики, хотя и сопротивлялись изо всех сил, катились и катились к своей Германии. Они были всё ещё опасны, но гонор и спесь сошли с них. В их мрачных душах поселился страх, а самым заветным стало желание благополучно унести ноги во-свояси.

В то время солдат Голов был поваром в дивизионе зенитных орудий. В поварá он попал случайно. Его попросили — до прибытия специалиста — варить солдатам еду. Голов согласился. Не сидеть же артиллеристам на хлебе и воде. Но поскольку у нового кулинара к назначенному часу, при любых обстоятельствах, всё было готово, командир дивизиона оставил его в поварах.

Однако поварская должность не изменила характер Голова. Он по-прежнему был боевым солдатом. Карабин, смазанный тонким слоем ружейного масла, всегда был готов к стрельбе. У него всегда хранился запас патронов, в том числе бронебойных и зажигательных. Имелся пяток гранат. Был и приличный запас тола. Впрочем, тол нужен был Голову не для подрыва чего-либо. В ненастные, дождливые дни, когда не найти сухой ветки, сухой щепки, повар разжигал толлом печку.

Подожжённый спичкой, тол горит спокойно. Оплавляясь и растекаясь по дровам, он зажигает их.

Артиллеристы посмеивались над поварским арсеналом:

— Никита, ты не перепутай картошку с гранатами!

А один приклеил на дерево, под которым стояла кухня, такое объявление:

«С е г о д н я

Первое блюдо: суп картофельный с трассирующими пулями.
Второе блюдо: лапшевник из бикфордова шнура».

Голов к шуткам относился спокойно. Объявление ему даже понравилось. Он аккуратно отлепил листок, сложил и спрятал в карман гимнастёрки — «на память о фронтовых друзьях». Разливая в тот день суп по котелкам, благодушно балагурил с артиллеристами:

— Вам что ни свари, вы всё слопаете! Вас жареной фугаской не испугаешь. Но я-то знаю, чего вы боитесь. Вот оставлю как-нибудь без обеда, вы и кончите свои глупые шуточки.

Говоря эти слова, повар Никита Голов, конечно, не знал, что уже на следующий день осуществит свою угрозу.

Правда, вынудят его к этому обстоятельства более значительные, чем шутки товарищей.

Утром нового дня дивизиону было приказано переместиться километров на двадцать западнее — к мосту у пересечения железной дороги с дорогой шоссейной. Мост наши стрелки отбили у фашистов ночной атакой. Фашисты бежали, не успев взорвать его. Несомненно, враг постарается разбомбить мост, тогда прервётся движение и по шоссе и по железной дороге. На охрану такого важного объекта и посылали теперь дивизион.

Никита Голов, накормив солдат ранним завтраком, пожелал им счастливого пути, а сам с шофёром крытого грузовика остался на месте.

Он должен был сварить здесь обед и доставить его к двенадцати часам на новые позиции. Здесь были в избытке дрова, а главное, был в овражке колодец с чистой, родниковой водой.

Грузовик с кухней на прицепе выехал с обжитого места в начале двенадцатого. Ехать недалеко. Всё время по шоссе. Суп из перловых круп тряски не боится. Да и дорога нетряская, асфальт. В кухонной печке полно горячих углей, так что обед прибудет в готовности — только подставляй под черпак котелки.

Обо всём этом подумал в начале пути повар Голов. Потом он думал о том, что воевать теперь гораздо легче, чем в сорок первом году. Вот идёт справа от дороги на небольшой высоте шестёрка штурмовиков. А высоко кружит звено истребителей. Это всё наши самолёты, советские! Куда полетели штурмовики? Верно, увидели фашистов. Сверху лётчикам видно, что происходит на земле, где наши, а где фашисты. Не так давно фашисты — многие, многие тысячи — были окружены на большом пространстве среди полей, болот и лесов. Они пытаются вырваться из кольца. Бросаются то на запад,

то на юг, то на север. А наши нигде не пускают. Уничтожают, берут в плен.

Солнце, стоявшее в безоблачном небе, раскалило воздух. Никиту Голова жара разморила. Встал-то он ведь очень рано, начал готовить завтрак ещё до рассвета. Глазами, которые закрывались в сладкой дреме, он смотрел на шоссе. Шоссе, по которому обычно катили и танки, и пушки, и «катюши», и пехота в грузовиках, в эти минуты было пустынно. Оно круто спускалось в низину, чтобы потом также круто подняться на холм. Грузовик весело катил под гору. Голов представил, как захватит у него дух, когда машина, закончив спуск, вылетит на подъём, и улыбнулся — как всё же хорошо идут дела и у него, солдата-повара, и у всех солдат Советской Армии.

И только он это подумал, и только грузовик с кухней достигли нижней точки спуска, как из густых кустов ольховника, росших за обочиной, ударил очередью пулемёт. Вторая очередь простучала глуше — били вдогон.

Шофёр выжимал из мотора все силы. Грузовик словно летел в гору. Никита Голов высунулся из кабины и увидел фашистов. С автоматами, с ручными пулемётами, они шеренгами выходили из кустов и бегом пересекали шоссе. Какая-то вражеская часть то ли уходила от преследования, то ли рассчитывала в этом направлении найти выход из окружения.

Влетев на верхушку холма и чуть спустившись по новому спуску, грузовик и кухня, шофёр и повар оказались в безопасности. Взгорок закрыл их от фашистских пуль.

— Стой! — сказал Голов. — Надо посмотреть что и как. Ты проверь машину. Я посмотрю, что делается внизу.

Фашисты всё бежали и бежали через шоссе.

Их было много. А наших — двое.

Солдат Голов хорошо помнил главное военное правило: не делать такого, что понравилось бы врагу, а делать только то, что врагу не понравится. Главное военное правило в этом случае давало совершенно определённый совет: помешать фашистам переходить через шоссе.

Сердце Никиты Голова билось тревожно и азартно. Пронеслась мысль: стрелять по фашистам из карабина. Тут же пронеслась ещё мысль: после первых выстрелов автоматчики врага побегут кустами на подъём и придётся снова удирать, рискуя автомашиной, кухней, жизнью друга-шофёра и своей собственной жизнью.

Платить такую цену за два-три удачных выстрела не было смысла.

Никита Голов ещё раз посмотрел, как фашисты переходят дорогу, и пошёл к своему грузовику. От кухни по жаркому воздуху распространялся аромат свиной тушёнки, смешанный с угарным запахом залитых углей. Та, вторая пулемётная очередь, посланная вдогон, изрешетила кухню. Белёсый бульон с разваренными зёрнами перловой крупы струйками стекал с днища кухни на асфальт. «Через полчаса обед. Чем ребят кормить буду?» — подумал повар. И тут он совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в правильности решения, открыл железный шкафчик кухни, вставил в толовую шашку запал, зажёл спичкой бикфордов шнур и закрыл шкафчик на обе защёлки. Вдвоём с шофёром они отцепили кухню от грузовика. Напрягаясь, упираясь сапогами в мягкий асфальт, покатали её на пригорок. Затем, придавая кухне правильное направление, нацеливая её на врагов, разогнали и пустили вниз с крутой горы.

Надо было немедленно уезжать. Но повар хотел своими глазами видеть, как сработает его сухопутная торпеда.

— погоди минуту, — сказал он шофёру. — Погляжу из кустов...

— Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! — закричал немецкий ефрейтор, первым увидевший опасность. — Цурюк! Назад!

— Вас ист лос? Вас ист дас? Что случилось? Что это такое? — спрашивали друг друга фашисты.

Кухня пронеслась перед их оторопелой толпой. Миновав нижнюю точку спуска, она медленно покатила вверх.

— Дас ист фельдкюхе! Это полевая кухня! — закричали наперебой автоматчики. Оправившись от испуга, они захохотали, закачались от смеха.

Фашисты, теперь уже не шеренгами, а в беспорядке, снова побежали через шоссе. А кухня остановилась на крутом подъёме, какое-то мгновение постояла там, словно раздумывая, и пошла вниз. Катилась она медленно, опустившееся дышло чертило асфальт, тормозило движение.

«Неужели остановится?» — подумал Никита Голов и пожалел, что бикфордов шнур оказался слишком длинный. Был бы покороче, кухня взорвалась бы в самый подходящий момент.

Она всё же доехала до самой нижней точки спуска. Остановилась на самом ходу. Фашисты обегали её, как островок. Но вот один, привлечённый запахом съестного, взобрался на кухню, открыл

крышку котла, зачерпнул котелком суп. И тут, не слушая окриков командира, фашисты полезли на кухню со всех сторон.

В этот момент рванул взрыв. Он был достаточно сильный. Голов не мог определить, сколько фашистов погибло. Запомнилось колесо кухни, чёрным бубликом летевшее над дорогой.

— Жми! — скомандовал он шофёру, вскочив в кабину грузовика.

Повар не знал, что после взрыва появились на шоссе наши самоходки. Они открыли огонь по фашистам и не дали остаткам колонны перейти шоссе. Самоходчики по радио сообщили о неожиданном бое своему командованию. Вскоре над полями и лесочками, по обе стороны шоссе, пошли наши самолёты-штурмовики на бомбёжку и обстрел врага. А роты наших автоматчиков вместе с партизанами перекрыли в том районе все выходы из лесов.

Свой дивизион Голов увидел ещё издали. В стороне от решётчатого железнодорожного моста, задрав в небо длинные стволы, стояли зенитные пушки. Они уже были обнесены земляными валами. И тут повар Никита Голов малость испугался. Он знал, какая это трудная работа — рыть укрытия для пушек. Чувствовал, как проголодались артиллеристы, как ждут кухню с супом и кашей. А супа нет. Каши нет. И самой кухни нет. Разумно ли он сделал, употребив кухню не по назначению?

В таком неважном настроении пошёл солдат Голов к командиру дивизиона — доложить о происшествии.

— Где кухня, Голов? — спрашивали по пути артиллеристы. — Ты что? Вправду нас без обеда оставил?

— Со мной шутки плохи, — мрачно отзывался Голов. — Я предупреждал. А поварская должность с этой минуты свободна. Хватит с меня черпаком махать.

От командира дивизиона Никита Голов вышел весёлый. Всё он сделал правильно. И не просто правильно. А находчиво. И ещё командир сказал, чтобы он не думал бросать поварскую работу. Во всей армии теперь не найти другого повара, который умел бы сварить такой опасный суп. А кухню получит новую.

Обед выдавался артиллеристам в этот раз сухим пайком. Закончив раздачу хлеба и консервов, Никита Голов лёг в тени грузовика и, сморённый жарой и тревогами, заснул. Разбудил его штабной писарь. Писарь стоял у грузовика и пробовал пальцем дырки в фанерном кузове.

— Да, — сказал писарь, — если бы фашист чуть раньше нажал на